

Алексей Балакин

БЛИЗКО К ТЕКСТУ

РАЗЫСКАНИЯ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

П А Л Ь М И Р А

Санкт-Петербург

2 0 1 7

УДК 882 (09)
ББК 83.3 (2 Рос-Рус)
Б20

Балакин А. Ю.

Б20 Близко к тексту: Разыскания и предположения: [статьи 1997–2017 годов] / Алексей Балакин. — СПб. : ООО «Издательство «Пальмира» ; М. : ООО «Книга по Требованию», 2017. — 357 с. — (Серия «Luceum»).

ISBN 978-5-521-00533-8

Книгу научного сотрудника Пушкинского Дома и преподавателя Санкт-Петербургского университета Алексея Балакина составили статьи и заметки, публиковавшиеся в русских и зарубежных научных изданиях на протяжении последних двух десятков лет. В первом разделе собраны статьи о Пушкине и его ближайшем литературном окружении; во втором — в основном работы текстологического характера, связанные в первую очередь с датировкой и атрибуцией произведений классической русской литературы, а также разыскания в области биографики. В приложении впервые полностью публикуется поэма А. Ф. Воейкова «Искусства и науки» (1817–1823).

УДК 882 (09)
ББК 83.3 (2 Рос-Рус)

ISBN 978-5-521-00533-8

© Балакин А. Ю., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Пальмира»,
АО «Т8 Издательские Технологии», 2017

СТИХОТВОРЕНИЕ «ПЕРЕХОД РУССКИХ ВОЙСК ЧЕРЕЗ НЕМАН 1 ЯНВАРЯ 1813 ГОДА» И ЕГО АВТОР*

(История одной мистификации)

В феврале 1830 года, в третьем номере «военно-литературного» журнала «Славянин», который издавал поэт и переводчик, бывший профессор Дерптского университета А. Ф. Воейков, было опубликовано стихотворение «Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года» с подзаголовком «Отрывок из большого стихотворения».¹ Под ним стояла подпись: «Батюшков».

Этот текст неизменно вызывал затруднения у комментаторов. Начиная с Л. Н. Майкова, который обнаружил его и включил в подготовленное им Полное собрание сочинений Батюшкова,² все редакторы говорят о нем по сути одно и то же: дата создания неясна,³ автограф не сохранился, было ли стихотворение закончено, неизвестно. Иногда добавляется, что сам Батюшков в форсировании Немана в 1813 году участия не принимал.

Исследователи творчества Батюшкова неизменно выделяли «Переход русских войск через Неман», отмечая высокий патриотический настрой этого стихотворения и его особенную поэтическую манеру, в которой различали элементы реализма.

---

* Впервые: Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Ларисы Ильиничны Вольперт: В 2 ч. Тарту, 2011. Ч. 2.

¹ Славянин. 1830. Ч. 13. № 3. С. 209.

² См.: *Батюшков К. Н.* Соч.: В 3 т. СПб., 1887. Т. 1. С. 154–155 (текст) и 374 (примеч.).

³ «Относим этот отрывок к 1813 г. гадательно, в виду того события, которое в нем описывается», — предполагал Л. Н. Майков (Там же. С. 374).

«Переход через Неман» интересен своим патриотическим настроением, воодушевившим поэта, — читаем в академической истории русской литературы. — После Державина в русской лирике вновь возникает батальная тема и стремление воспеть военную мощь русского народа. Трактовка батальной темы у Батюшкова сильно отличается от господствовавших в тогдашней русской поэзии изображений 1812 г., нередко подменявших показ армии и боя изложением малозначительных раздумий поэта <...> или архаически стилизовавших материал. Даже Жуковский не нашел ничего поэтического в боевых средствах современной армии <...>. От этих недостатков частично освобождается Батюшков, сумевший правдиво показать русскую армию и поэтически изобразить орудия современного боя».⁴

Своему коллеге вторит Н. В. Фридман: «Переходом через Неман начался заграничный поход русской армии, и нет ничего удивительного в том, что это крупнейшее военно-политическое событие привлекло творческое внимание Батюшкова. В “отрывке”, может быть, интереснее всего начало, где правдиво отображены страшные “будни войны”: один из уцелевших солдат растаявшей наполеоновской армии смотрит на трупы, лежащие у покинутого бивуака»; далее, процитировав фрагмент первой строфы, исследователь продолжает: «Эти “мертвы ноги” — реалистическая деталь, подобную которой трудно найти в поэзии периода Отечественной войны. За вступлением, подчеркивающим деморализацию разгромленной французской армии, следует живая картина движения русских войск к Неману».⁵

И наконец, В. А. Кошелев, также цитируя первую строфу стихотворения, говорит об «ином понимании правдивости, ином уровне типизации» и о том, что «Батюшков <...> подчиняет свое бурное поэтическое воображение жизненной реальности».⁶

В том, что «Переход русских войск через Неман» среди других произведений Батюшкова стоит особняком, нет ничего удивительного, потому что он не был его автором. Его настоящий автор — А. Ф. Воейков, осуществивший в 1830 году мистификацию с публикацией «неизвестных стихов Батюшкова» в своем журнале — скорее всего, с целью привлечения подписчиков.

Но обо всем по порядку.

---

⁴ *Верховский Н. П.* Батюшков // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 5. С. 407.

⁵ *Фридман Н. В.* Поэзия Батюшкова. М., 1971. С. 173–174.

⁶ *Кошелев В. А.* Константин Батюшков: Странствия и страсти. М., 1987. С. 149.

Весной 1816 года Воейков задумал путешествие по южным губерниям России. Как писал Е. В. Петухов, Воейков «получил от Дерптского университета открытый рекомендательный лист ко всем губернаторам и архиереям, для оказания ему содействия “к обозрению все примечания достойного”; прося при этом совет университета, Воейков мотивировал необходимость такого путешествия тем, что хочет написать поэму о князе Владимире и поэтому нуждается в посещении тех мест, где действовал герой его будущей поэмы».⁷ Напомним, что за три года до этого Воейков в послании к Жуковскому призывал того создать героическую поэму про князя Владимира, а немного позднее на книге, предназначенной для работы над этим замыслом, оставил помпезное стихотворное посвящение, где уверял, что будущая поэма затмит сочинение самого Гомера.⁸ Есть свидетельство, что эту поездку для Воейкова устроил сам Жуковский — чтобы удалить его из Дерпта, подальше от семьи, для которой тот стал настоящим тираном.⁹ Известно, что Жуковский действительно предпринимал усилия, чтоб путешествие все-таки состоялось, хотя ранее сам планировал совершить подобную поездку с той же самой целью.¹⁰ 12 апреля 1816 года он писал А. И. Тургеневу: «Воейков собрался ехать в Киев и в Крым. Он просит рекомендательных писем к архиепископам Киевскому, Черниговскому и Псковскому. Пришли их. Это путешествие, вероятно, мечта; но если оно сбудется, то эти письма могут быть ему полезны. Ты должен их написать для его жены, которая с ним едет, и для меня.

⁷ Петухов Е. В. Кафедра русского языка и словесности в Юрьевском (Дерптском) университете. Юрьев, 1900. С. 43.

⁸ Об этой неосуществленной поэме см.: Ветшева Н. Ж. Планы и конспекты волшебной-исторической поэмы В. А. Жуковского «Владимир» (публикация и комментарий) // Вестник Томского государственного университета. 2006. № 291. Июнь. Сер. «Филология». С. 25–31; Жуковский В. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2009. Т. 4. С. 609–621 (примеч. Н. Ж. Ветшевой). Стихотворение Воейкова «Надпись на белой книге, которая определена Жуковским для эпической поэмы “Владимир”» впервые опублик.: Русский архив. 1912. № 3. С. 414–415.

⁹ Об этом и о ситуации в семье Воейкова к началу 1816 года см.: Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. [Ч. 1.] С. 56–59.

¹⁰ «Мне бы хотелось в половине будущего года сделать путешествие в Киев и Крым, — сообщал он А. И. Тургеневу 4 августа 1815 года. — Это нужно для “Владимира”. Первые полгода я употребил бы на приготовление; а последние на путешествие» (Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М., 1895. С. 151).

Не откажи в этом».¹¹ И в следующем письме, без даты: «Радость моя, напиши к Евгению <в то время архиепископу Псковскому. — А. Б.>; напиши к Киевскому архиерею. Твои письма могут быть полезны жене Воейкова; он поедет в Крым, а она останется в Киеве и, может быть, ей нужным будет в чем-нибудь архиерейское пособие. Но *напиши тотчас* по получении письма моего и посылай прямо в Псков и Киев, ибо Воейков едет через четыре дня из Дерпта, и здесь твои письма его уже не застанут».¹²

Отправившись в путешествие в середине весны, Воейков вернулся в Дерпт лишь в конце лета. Конечно, никаких материалов о князе Владимире он не собрал¹³ и никакой поэмы не написал (во всяком случае, свидетельств тому мы не имеем), но во время поездки он задумал большое стихотворение, по сути, описательную поэму, в которой должны были бы отразиться впечатления от тех краев России, где он побывал. Точный маршрут поездки 1816 года нам неизвестен, но, по всей видимости, он был таким: Псков, возможно Новгород, Киев, Екатеринослав, Одесса, Крым, возможно предгорья Кавказа. Ранее Воейков также немало путешествовал. «С 1802-го года каждое лето было мною посвящено на обозрение какой-нибудь отечественной области: то Казани и Нижнего-Новгорода, то Киева и Чернигова, то Воронежа, Харькова и Екатеринославля», — писал он в 1824 году.¹⁴ В первой половине 1820-х годов по материалам этих поездок он напишет и опубликует ряд путевых очерков.

Спустя некоторое время после возвращения Воейков отправляет П. А. Вяземскому, с которым находился в переписке, первую редакцию задуманного в поездке стихотворения, озаглавив его «Послание к друзьям и жене».¹⁵ В переработанном виде оно будет опубликовано в 1820 году под заглавием «Послание к жене и друзьям» с датой

---

¹¹ Там же. С. 154.

¹² Там же. С. 155; ср. с. 157–158.

¹³ Если не считать заметки «О найденных древних русских монетах. (Письмо к редактору)» (Вестник Европы. 1816. Ч. 87. № 12. С. 315–317), сообщающей о находке в Киеве монет эпохи князя Владимира.

¹⁴ Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль. С. 2.

¹⁵ Список этого послания сохранился в Остафьевском архиве (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1104, л. 32 об.—41 об.; после заглавия: «Написано в Дерпте 1816-го года по возвращении из Крыма и Одессы»); опубли. с неточностями: «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 323–332 (публ. О. А. Проскурина).

«20 августа 1816».¹⁶ В последующие два года Воейков пишет все новые и новые фрагменты, которые сообщает друзьям,¹⁷ и наконец в июле 1818 года в «Вестнике Европы» публикует часть написанного как «Послание к моему другу-воспитаннику о пользе путешествия по Отечеству».¹⁸

Вскоре этот номер журнала дошел до П. А. Вяземского, находившегося в то время в Варшаве. Он внимательно и с интересом читает послание Воейкова, в котором находит уже известные для себя строки, и 27 июля 1818 года пишет его автору большое письмо с подробным разбором прочитанного.¹⁹ Вяземский высказывает как соображения общего характера, так и замечания к конкретным стихам с мотивировками, что ему в них не нравится.

Воейков отнесся к претензиям Вяземского с чрезвычайным вниманием:²⁰ почти все отмеченные им места он изменил.²¹ До нас дошел

---

¹⁶ Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 4. С. 177–186; поправки: Там же. № 5. С. 240; Ч. 68. № 11. С. 196. О полемике вокруг этого послания см.: Пушкин в прижизненной критике. 1820–1827. Изд. 2-е. СПб., 2001. С. 375–379 (примеч. Г. Е. Потаповой).

¹⁷ Фрагменты из писем к П. А. Вяземскому опубликованы: Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 526; Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. Л., 1959. С. 315–316 (Библиотека поэта. Большая сер.); впоследствии некоторые в измененном виде вошли во вторую редакцию «Послания к И. В. Лопухину» (1818; первая редакция — 1807). Этот текст Воейков пытался опубликовать в «Славянине» в начале 1830 года, см. его письма цензорам — К. С. Сербиновичу от 15 февраля (РГИА, ф. 1661, ед. хр. 960, л. 33) и П. И. Гаевскому от 19 февраля (ГПБ, ф. 831, ед. хр. 258, л. 11); как свидетельствует помета адресата на последнем письме («Статья о Лопухине возвращена издателю 19 февр<аля> для пояснения об упоминаемых в оной документах»), сомнения цензуры вызвали примечания к посланию, где цитировались неопубликованные записки Лопухина, из-за чего оно так и не было напечатано (автограф: ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 4, л. 1–3 об., 5 об.–6).

¹⁸ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 12. С. 265–278.

¹⁹ Русская старина. 1892. № 12. С. 652–662 (подлинник: ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 45; копия этого письма сохранилась также в бумагах А. И. Тургенева — ИРЛИ, ф. 309, ед. хр. 1044). Краткую оценку послания Воейкова Вяземский дал также в письме к Тургеневу от начала февраля 1821 года (см.: Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 156).

²⁰ В ответном письме от 8 октября 1818 года он писал: «Спасибо, крупное спасибо: и план, и ход, и стихи — все выправлю по твоим замечаниям, и не печатая пришло в Варшаву: если они тебе понравятся, то я уверен, что и благонамеренная публика погладит меня по голове и скажет: ай брат Воейков! Ну уж Воейков!» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1602, л. 6 об.).

²¹ Исправленная редакция под заглавием «К М. М. М. О пользе путешествия по отечеству» опубли.: Славянин. 1827. Ч. 3. № 38. С. 450–462 (в оглавлении: «К Михайлову, о пользе путешествия по Отечеству»).

автограф Воейкова, зафиксировавший этот этап работы;²² здесь также набросаны фрагменты, тематически близкие к другим «стихам-травелогам» — уже упомянутому выше «Посланию к жене и друзьям» и посланию «К жене».²³ Это одиночный лист во вторую долю (так называемый «полулист») вержированной бумаги с синеватым оттенком и водяным знаком «А. О. 1817»; заполнен только с одной стороны, оборот пустой. На нем записано семь стихотворных набросков, отделенных изогнутыми линиями с двумя точками (такими значками Воейков обычно обозначал конец стихотворения). Автограф беглый, с минимальными одновременными поправками. Судя по чернилам и характеру почерка, все фрагменты были написаны одновременно. Вот они по порядку.

Первый:

Блажен и ты, мой друг, друг мира и свободы;
Обманутый людьми, в объятия природы
Ты сердце чистое несешь
И миру отслужи, служить желаешь Богу,
По дивной лестнице творений ты дорогу
Верней к Творцу найдешь.

Трудно сказать, к кому обращены эти строки. В названных выше текстах аналогий им не находится.

Второй фрагмент:

Далекие друзья! когда опять, когда
Сберёмся в домик мой на берегу Пруда
Попить, поесть, поспорить с жаром?
Хозяйка милая вас ждёт за самоваром!

Это вариант следующего фрагмента из «Послания к жене и друзьям»:

Но так и быть! нам надобно опять
В Москве и на Прудах, друзья! попить.

---

²² ИРЛИ, ф. 31, ед. хр. 3.

²³ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 9. С. 25–33 (подпись: «В-ъ»); впервые это стихотворение под заглавием «К Саше» и за подписью «-ъ» опубликовано: Северный наблюдатель. 1817. Ч. 2. № 26. С. 374–382.

<...>

Я здесь вас стану поджидать
На старом новоселье.²⁴

Третий фрагмент:

Жуковский развалясь на креслах чашки ждёт,
А перед ним [стоит] ему лишь видный чорт,
Пришел спросить с угрозой и сурово:
Зачем не помещён в его балладе новой?²⁵

Эти строки скорее всего предназначались также для «Послания к жене и друзьям»; тематически они соотносятся со следующим фрагментом послания «К жене»:

Вот с чашкою в руке и с новыми стихами
Ж<уковский> из угла пугает мертвецами:
Все в ужасе, никто не смеет идохнуть;
Бойтся *Лилия* иглою шевельнуть,
И замерла рука у Женни на гитаре,
И чайник замолчал, стоя на самоваре...²⁶

Четвертый фрагмент:

Я не завидую судьбе моей Сашеты:
Есть будет, у тебя обеда она
Пирог, салат, грибы, котлеты;
А я,
Я Русское письмо читая от Лилеты,
Так наслаждаюсь, как будто ем конфеты.

---

²⁴ Сын отечества. 1821. Ч. 67. № 4. С. 185 (о пирушках ср. в том же послании выше, с. 179). В доме Воейкова рядом с Новодевичьим монастырем («поддевическом доме») в 1801 году собирались члены Дружеского литературного общества (см.: *Истрин В. М.* Дружеское литературное общество 1801 г. (По материалам Архива братьев Тургеневых) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1910. № 8. Отд. 2. С. 275 pass; *Лотман Ю. М.* Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Лотман Ю. М. Карамзин. СПб., 1997. С. 650 pass.). О более поздних «славных литературных вечерах и попойках» в доме Воейкова писал С. П. Жихарев (см.: *Жихарев С. П.* Записки современника. М.; Л., 1955. С. 192).

²⁵ Ср. с характеристикой Жуковского в «Доме сумасшедших»: «Вот Жуковский! В саван длинный / Скутан, лапочки крестом, / Ноги вытянуты чинно, / Черта дразнит языком» (Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. С. 304; эту строфу следует датировать 1815 г.).

²⁶ Вестник Европы. 1818. Ч. 99. № 9. С. 27.

Здесь Сашета — жена Воейкова Александра Андреевна, а Лилета — какая-то их дерптская знакомая по имени Лилия, упомянутая также в послании «К жене».

Пятый и шестой фрагменты использованы для замены соответствующих мест в «Послании к моему другу-воспитаннику...» и вошли в его новую редакцию без изменений. Строки «Здесь за оградой бездомные вдовицы, / Лишенные отцов и матерей девицы / В монастыре приют от бурь мирских нашли» заменили первоначальные «Здесь, здесь в монастыре вдовицы / И жены, и девицы / Приют от бурь мирских нашли», о которых Вяземский писал: «Повторенное “здесь” пахнет Херасковым, и оба стиха нашептаны тебе холодными устами его вялой тени»;²⁷ строки же «И Нижний-Новгород картинный / С рекою пышною своей, / И Воскресенск, и Соловецк старинный» оказались по какой-то причине неудачными самому Воейкову и были заменены на: «И Свеаборг картинный / С гранитной крепостью своей, / И новый Воскресенск, и Соловецк старинный».²⁸

Седьмой фрагмент должен быть хорошо известен всем исследователям и просто любителям поэзии Батюшкова:

Снегами погребен, угрюмый Неман спал!
Равнину льдистых вод и берег опустелый,
И на берегу покинутые села
Туманный месяц озарял.
Всё пусто! коё-где на [тру] снеге труп чернеет,
И брошенных костров огонь, дымяся тлеет,
И хладный как мертвец
Один среди дороги,
Сидит задумчивый беглец,
Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги!

---

²⁷ Русская старина. 1892. № 12. С. 658.

²⁸ Первоначально последняя строка читалась: «И Нижний Новгород, и Соловецк старинный», — но затем была исправлена. Эта редакция послания была создана не позднее 1824 года; в начале очерка «Путешествие из Сарепты на развалины Шери-Сарая, бывшей столицы ханов Золотой Орды» (Новости литературы. 1824. Кн. 9. Июль; дата под текстом: 20 июня 1824) Воейков цитирует один из его фрагментов (24 стиха) уже в исправленном виде. Другой фрагмент послания (11 стихов) ранее был процитирован им в очерке «Описание Сарепты» (Северный архив. 1822. Ч. 1. № 1. С. 48; дата под текстом: 30 августа 1813); один стих из этого фрагмента уже исправлен согласно указанию Вяземского, но два других соответствуют публикации «Вестника Европы», хотя в редакции «Славянина» читаются по-иному.

# # #

И всюду тишина! и се в пустой дали
Сгущенных копий лес возникнул из земли!
Он движется! гремят щиты, мечи и брони,
И грозно в сумраке ночном
Чернеют знамена, и ратники, и кони!
Несут полки Славян погибель за врагом!
Достигли Немана — и копьё водрузили!
Из снега возросли бесчисленны шатры!
И на берегу зажженные костры
Все небо заревом багровым обложили!
И в стане Царь молодой
Сидел между вождями;
И Старец-вождь пред ним, блестящий сединами
И бранной в старости красой.

Следует отметить два факта.

Во-первых, строфы разделены чрезвычайно характерным для Воейкова значком (# # #);²⁹ во-вторых, непонятно, почему Воейков, имея чистый оборот, записал последние девять строк на полях, впритык к неровному краю листа. Можно лишь предположить, что он считал его если не завершенным, то по-своему цельным, и не собирался продолжать. Но запоминающийся образ французского солдата, смотрящего на обмороженные и пораженные гангреной ноги, не остался в черновиках. Рачительный Воейков использовал его в третьей песни поэмы «Искусства и науки», законченной, судя по дате на ее копии, 27 мая 1819 года.³⁰ В этой песни рассказывается о развитии военного искусства и, в частности, о самых знаменитых победах русских войск. И несчастный солдат появляется в ней как раз при описании отступления Наполеона через Неман; там же возникают и молодой царь со старцем-вождем:

Костями и бронями усеяны поля,
Золою черною подернулась земля
И Неман кровию слился с Москвой-рекою.
Здесь воин в рубище, весь изможден нуждою,

---

²⁹ Таким же значком разделены строфы в автографах «Дома сумасшедших»: 1) РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 1186, л. 1–6; 2) Там же, л. 7–12 об.; 3) РНБ, ф. 151, ед. хр. 4, л. 1–57.

³⁰ См. наст. книгу, с. 156.

Остаток бытия ужасного влечет;
Друзей и недругов дать смерть ему зовет;
Там свежий юноша, недвижимый у дороги
Сидит, унылый взор вперя на мертвы ноги.
Тут мясо конское на пищу войны рвут,
А там в беспамятстве они друг друга жрут.
Здесь к древу прислонясь с оружием часовые,
Осанкой грозные, стоят как бы живые,
И очи их глядят, но жизнь слетела с вежд.
Там трупы черные от дыма, без одежд,
В снегу, лишенные и чести погребенья;
И друг, и брат забыт, нет в храбрости спасенья...
Все в прах! Враги спешат нестройною толпой;
И гибель ловит их нещадною рукой,
И погоняет страх карающая мести.
Равно к своим, к чужим, без жалости, без чести,
Враг человечества и враг столиц бежит:
Он сеял бедствия — и пожинает стыд!
И се наш Александр, со старцем в колеснице,
С венцами на главах, с перунами в деснице,
Указывают путь за Неман знаменам.³¹

Закончив заполнять упомянутый лист, Воейков надписал на самом верхнем краю «Архив. 1» и отложил, чтобы вернуться к нему через несколько лет.

В 1820 году началась карьера Воейкова-журналиста. Два года он с Н. И. Гречем издавал журнал «Сын отечества», отвечая за его литературную часть; с 1822 года — газету «Русский инвалид» и приложение к ней — журнал «Новости литературы». В 1827 году этот журнал прекратился, и со следующего года Воейков предпринял издание военно-литературного журнала «Славянин». Если в начале 1820-х годов Воейков не испытывал недостатка в поэтическом материале, то с каждым годом репутация его падала, прежние друзья прекращали с ним отношения, а после смерти жены (1829) он почти совершенно порвал с прежним литературным кругом. Поэтический отдел «Славянина» с каждым годом становился все бледней и бледней, а его редактор вынужден был довольствоваться лишь случайными подач-

---

³¹ Воейков А. Ф. Военное искусство: Из III-й песни поэмы «Искусства и Науки». (Посвящено Генералу Ермолову) // Новости литературы. 1822. № 5. С. 78; подпись: В-вь.

ками прежних друзей или подношениями литераторов второго и третьего ряда. Но кроме литературных новинок, Воейков активно печатал и старые опусы, как уже публиковавшиеся ранее и извлеченные им из старых журналов, так и неопубликованные. Перепечатывал он и свои стихи, причем зачастую без полной подписи — меняя заглавия и проводя мелкую косметическую правку. В поисках нового материала он обращается к своему архиву и среди прочего извлекает оттуда упомянутый листок.

Разумеется, черновые наброски не годились для печати, и Воейков попытался придать им заверченный вид, делая это уже карандашом в два этапа.

Сначала он проводит небольшую стилистическую правку, заменяя, в частности, в третьем фрагменте «Жуковского» на «Балладина» (это может служить дополнительным аргументом, что текст готовился к публикации); в интересующем нас седьмом фрагменте «Недвижим, смутный взор вперив на мертвы ноги» меняется на «Недвижный взор вперив на мерзнувшие ноги!», а «И всюду тишина... И се, в пустой дали» на «И всюду тишина! и вот в пустой дали». Эта правка делалась почти без нажима, сейчас она еле видна и скорее угадывается, чем уверенно читается.

Позднее другим карандашом он дважды зачеркивает запись «Архив. 1», косыми линиями перечеркивает пятый и шестой фрагменты, использованные во второй редакции «Послания к моему другу-воспитаннику...», к тому времени уже опубликованной, а остальные озаглаживает. Первый получает заголовок «Другу <нрзб>у», объединенные второй и третий — «Приглашение?», четвертый — «Письмо Лилеты», интересующий нас седьмой — «Неконченное стихотворение». Также в нем три решетки меняются на звездочку, в конце появляется строка точек, а после 15-й и в начале 16-й строки ставятся знаки «равно» — это указание для переписчика, что фрагмент на полях продолжает текст на нижнем краю листа. Карандашную правку в тексте переписчик не заметил, и в печати этот текст появился в своем первоначальном виде, открывая стихотворный раздел третьего номера журнала «Славянин» за 1830 год, где был приписан Батюшкову.

Эта авантюра удалась Воейкову не сразу. В первой половине января он послал цензору «Славянина» К. С. Сербиновичу какие-то стихотворения Жуковского (нам не удалось установить, какие именно)

и «Переход русских войск через Неман». Осторожный Сербинович не рискнул пропустить их в печать, решив спросить дозволения у Жуковского как у автора и как у фактического душеприказчика большого Батюшкова. Как свидетельствует запись в его дневнике, 14 января он «был у В. А. Жуковского; показал ему его стихи, кои хотел было напечатать у себя Воейков»,³² и, без сомнения, получил отказ,³³ о чем письменно сообщил редактору «Славянина». Взбешенный Воейков отвечал ему 18 января: «Позвольте мне заметить Вам не с досадою, не с претензиями, а просто: не пропускать стихов Ж<уковского> Вы могли, а передавать их ему не надлежало. Это значит желать подслужиться и нас поссорить. Вы бы просто отослали их ко мне обратно — и концы в воду. А переход через Неман я возьму. Ж<уковский> не в праве располагать им. Не сердитесь за правду!»³⁴ Судя по всему, Сербиновичу все же удалось охладить пыл Воейкова, потому что в следующем письме, от 21 января, его тон уже значительно более сдержан: «В ответ на Ваше письмо о стихотворениях Жуковского, скажу Вам, что если б

---

³² Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 258.

³³ Едва ли среди этих стихотворений было послание «Василию Алексеевичу Перовскому» («Товарищ! Вот тебе рука...»), помещенное без подписи и под заглавием «К П***» в начале стихотворного раздела первого номера «Славянина» за 1830 год. Этот номер выйдет в свет спустя три дня после упомянутого визита, 17 января (см.: Русский инвалид. 1830. № 15. 17 янв.; здесь в анонсе авторство Жуковского раскрыто): даже если Воейкову и удалось бы уладить дело, едва ли он мог бы отпечатать книжку за столь короткий срок. К тому же это послание ранее было опубликовано в «Московском телеграфе» (1827. Ч. 14. № 7; под заглавием: «Послание к . . .», также без подписи), и простая перепечатка не могла вызвать законных возражений; ср. в письме Воейкова к П. И. Гаевскому от 8 апреля 1831 года: «Четверостишие В. А. Жуковского, одобренное вами к напечатанию в Литературных Прибавлениях, было напечатано в № 1 Журнала Иностранной Словесности и Изящных Искусств 1831-го года, издаваемого г. Платоном Волковым, а потому я имею полное право, в силу устава о цензуре, перепечатать оное. Этот случай не подходит под запрещение. Жуковский не хочет, чтобы помещались в журналах те его сочинения, кои находятся в рукописи и кои, будучи написаны по особым каким-либо обстоятельствам, не должны быть публичны» (Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. С. 81; паг. 2-я). Упомянутое в письме четверостишие Жуковского — «О милых спутниках, которые наш свет...» (впервые опубли.: Московский телеграф. 1827. Ч. 15. № 9), позднее печатавшееся под заглавием «Воспоминание»; публикации в «Журнале иностранной словесности и изящных искусств» и «Литературных прибавлениях к «Русскому инвалиду»» (дающие несколько иную, чем в других источниках, редакцию стихотворения) в комментированных изданиях Жуковского не учтены.

³⁴ ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, ед. хр. 226 (хранится как письмо Воейкова неустановленному лицу без даты).

я не надеялся на Ваше снисхождение ко мне: то не изложил бы Вам столь смело и даже несколько грубо своих мыслей о сем деле... но пора кончить. Кто старое помянет, тому глаз вон. Прошу не лишать меня Ваших советов как литератор, доверенности как цензор и приязни как человек».³⁵

Вскоре после этого случая Сербинович фактически перестает исполнять обязанности цензора, хотя числится им вплоть до 5 июля 1830 года,³⁶ и цензором «Славянина» становится П. И. Гаевский. На этот раз Воейков проявляет осторожность, посылая ему «Переход русских войск через Неман» без указания имени автора, 28 января получает одобрение,³⁷ и 13 февраля книжка журнала с этим стихотворением начинает раздаваться подписчикам.³⁸

Современники никак не отреагировали на публикацию этого стихотворения. Ни в газетах и журналах, ни в дневниках и переписке того времени не находится никаких упоминаний о нем — ожидаемого Воейковым резонанса не получилось. Характерно и то, что «Переход русских войск через Неман» не был включен в итоговое собрание сочинений Батюшкова 1834 года.³⁹

Кстати, ранее Воейков два раза выступал как публикатор стихов Батюшкова — и обе эти публикации сопровождалась скандалами. В 1820 году в «Сыне отечества» он поместил записанное со слуха стихотворение «Надпись для гробницы дочери Мальшевой» — под про-

---

³⁵ РГИА, ф. 1661, ед. хр. 960, л. 31.

³⁶ См.: *Замков Н. К.* О черновом письме Пушкина к «неизвестному сановнику» (1830 г.) // Пушкин и его современники. Пг., 1918. Вып. 29–30. С. 65; *Литературное наследство*. Т. 58. С. 259; *Гринченко Н. А., Патрушева Н. Г., Фут И. П.* Цензоры Санкт-Петербурга (1804–1917): (Аннотированный список) // Новое литературное обозрение. 2004. № 5 (69). С. 389.

³⁷ В «Реестре статьям, одобренным цензором Гаевским с 28 января по 4 февраля 1830» значит предначинанное для «Славянина» стихотворение «На переход Русских войск чрез Неман 1 янв. 1813 г. 1 л.», одобренное 28 января (РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1011, л. 7).

³⁸ Объявление о выходе: *Русский инвалид*. 1830. № 42. 13 февр. С. 167. Цензурное разрешение на обложке (1 февраля) подписано Сербиновичем, но нет сомнения, что он не был единственным цензором этого номера: в упомянутом выше «Реестре статьям, одобренным цензором Гаевским...» значит еще несколько материалов из третьей книжки «Славянина» — басня А. Е. Измайлова «Гордюшка книгопродавец» и четыре прозаических миниатюры И. Д. Пальмина («Зависть», «Фарфор», «Память людей» и «Разнообразие суждений»).

³⁹ О нем см. наст. книгу, с. 124–127.

извольным заглавием и с неправильным делением на строки, что вызвало помещенную в следующем номере журнала гневную отповедь Д. Н. Блудова, который и привез эти стихи Батюшкова из Италии. А еще в следующем номере был напечатан ответ Воейкова; защищая себя и называя погрешности публикации совсем незначительными и даже улучшающими стихотворение, он не стеснялся в выражениях в адрес своего оппонента.⁴⁰ Через два года уже в «Новостях литературы» и почти одновременно во втором издании «Собрания образцовых русских сочинений в стихах», которое также издавал Воейков, появилось батюшковское послание князю П. И. Шаликову, который и доставил его издателю, сопроводив простодушным примечанием. На этот раз за Батюшкова вступился Вяземский, писавший Тургеневу 9 января 1823 года: «Опять напечатаны стихи Батюшкова <...> Ну, как они попадутся ему? Что за неуважение такое и варварское насилие? Известно, что Батюшков ничего ни писать, ни печатать не хочет, а его насильно тащут. <...> Сделай милость, пожюри Воейкова и возьми с него слово, чтобы он вперед ничего не печатал Батюшкова; а не то, право, придется изобличить этот литературный разбой».⁴¹

Нам неизвестно, исполнил ли Тургенев просьбу Вяземского. Скорее всего исполнил: хотя в распоряжении Воейкова и были ненапечатанные стихи впавшего в безумие поэта,⁴² новых публикаций не последовало. Однако спустя семь лет уже оставленный всеми прежними приятелями по жизни и союзниками в литературе Воейков все же нашел способ украсить именем Батюшкова свой угасающий журнал.

---

⁴⁰ Подробнее об этом инциденте см.: *Греч Н. И. Записки о моей жизни.* М.; Л., 1930. С. 643–647; *Батюшков К. Н. Соч.* М.; Л., 1934. С. 544–548 (примеч. Д. Д. Благого).

⁴¹ Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 2. С. 296–297.

⁴² В одном из альбомов А. А. Воейковой находятсЯ списки стихотворений «Есть наслаждение и в дикости лесов...» и «Ты знаешь, что изрек...» (см.: *Вацуро В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы)* // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 26).